

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА ТѢЛА.

Въ отношеніи религіознаго сознанія къ вопросамъ, связаннымъ съ культурой тѣла (беремъ слово культура во всей полнотѣ религіозно - благоговѣйнаго смысла вложеннаго геніемъ языка въ это понятіе) есть какая то уклончивая двойственность внутреннее смущеніе... Стоитъ поставить вопросъ о танцахъ, о спортѣ, какъ наличіе этой внутренней смущенности обнаруживается съ такой силой, что поневолѣ вспоминается Розановское: «явно благословляютъ, а тайно проклинаютъ». Между тѣмъ современность такъ ставитъ вопросъ о тѣлѣ вообще, о культурѣ его, о мѣстѣ и цѣнности тѣла въ системѣ и духовной жизни, что неопредѣленность, уклончивость или односторонность въ отвѣтѣ, на это пытлиное вопрошаніе дѣйствительности можетъ оказаться религіознымъ лукавствомъ. Особенно это ясно и глубоко чувствуется, когда вплотную подходишь къ вопросамъ цѣлостной религіозной школы...

Можно утверждать, что нашему «средне-общему», «коллективному» религіозному сознанію, — можетъ быть, больше практически, въ дѣйстви, въ повседневномъ отношеніи, чѣмъ теоретически — въ глубинѣ узрѣній и видѣній — присуще отрицаніе онтологической цѣнности тѣла, точнѣе раствореніе ея до полнаго упраздненія ея самобытности, значимости въ односторонней, а потому невѣрной, духовности, присущъ уходъ въ односторонній спиритуализмъ. Иерархическая неравночестность души и тѣла, утверждаемая божественнымъ откровеніемъ, какъ «типъ» должнаго соотношенія началъ духа и тѣла, незамѣтно превращается въ онтологическое отодвиганіе тѣла, превращается въ умаленіе онтологической цѣнности тѣлесности въ чело-вѣкѣ. «Отодвиганіе» невольнo заканчивается снятіемъ вопроса о смыслѣ и мѣстѣ тѣ-

ла въ цѣлостной судьбѣ чело-вѣка, завершается своеобразнымъ забвеніемъ реальности и самобытности тѣла, превращеніемъ его въ нѣкоторый придатокъ, и, притомъ, часто досадный, къ духу.

Цѣльный, полный, дѣйствительный чело-вѣкъ, чело-вѣкъ, какимъ только и знаетъ его Св. Писаніе, и вся полнота церковнаго опыта, есть именно единственнѣйшее чудо сочетанія противоположностей духа и матеріи, есть разъ и навѣки въ бытіи данное оформленіе духа и тѣла, въ единствѣ чело-вѣческой индивидуальности преодолѣвающее дуализмъ духовнаго и матеріальнаго. Духъ безъ тѣла, тѣло безъ духа — не чело-вѣкъ, а дробь бытія, нѣчто въ онтологіи и въ іерархіи бытія умаленное, скорбное, нѣкоторое беззаконіе *звонца*, привнесенное въ красоту бытія, въ чинъ космоса грѣхопадениемъ чело-вѣка. Отношеніе духа къ тѣлу не отношеніе мастера къ инструменту, а отношеніе мелодіи къ ея звуковому воплощенію, или лучше религіознаго вдохновенія и умиленія — къ обряду, къ тѣлесно-матеріальному оплотненію, «огустѣнію» пламенѣющихъ прозрѣній. Духъ и тѣло соединены въ чело-вѣкѣ неразрывной, дѣйственной, взаимопроницающей, таинственной и реальной связью символа съ тѣмъ, что имъ символизируется... Умаленіе, невѣрное воспріятіе символа — неизбѣжно становится обѣдненіемъ, искаженіемъ символизируемаго, грозитъ потемненіемъ и даже извращеніемъ послѣдняго.

Первая глава книги Бытія — единственный прологъ къ единственнѣйшей въ мірѣ книгѣ судебъ чело-вѣчества — точно и раздѣльно свидѣтельствуется объ онтологической равноцѣнности въ чело-вѣкѣ, какъ исключительномъ и новомъ «модусѣ», «родѣ» бытія — тѣла и духа... «Плачу и рыдаю егда помышляю смерть и вижу во гробѣхъ лежащую по образу Божію созданную нашу красоту» поетъ Св.

Церковь, скорбя и умиляясь предъ таинствомъ смерти.

Образъ Божій, «наша красота», черезъ которую онъ является міру, не есть ни духъ, ни тѣло въ отдѣльности, а именно живое таинственное сочетаніе духа и тѣла въ единствѣ человѣческой личности.

И въ символѣ вѣры — не «чаю безсмертія», ни даже «чаю вѣчной жизни», а именно «чаю воскресенія мертвыхъ», возстановленія именно даннаго таинственнаго соединенія души и тѣла, образующаго единую личность человѣка. Не даромъ первохристиане, у которыхъ сильно было чаяніе воскресенія, и благая вѣсть о воскресеніи составляла основную тональность ихъ жизни и міроотношенія, писали на надгробныхъ плитахъ «чаю весны тѣла»... Судьбы духа и тѣла въ человѣкѣ не отдѣлимы — нѣтъ судьбы только духа или тѣла, но есть судьбы **цѣлостнаго** человѣка, спасается или гибнетъ не душа или тѣло, а весь человѣкъ.

Но если до конца принять и раскрыть всю силу этого утвержденія, ясно, что, въ нормѣ, къ тѣлу не можетъ быть иного отношенія, какъ къ живой святынѣ, какъ къ матеріальному явленію красоты образа Божія...

Нужно, конечно, сразу же оговориться, что рѣчь идетъ не объ обожествленіи тѣла въ его натуральной, грѣховной и грѣшной хаотичности, и не о «святой плоти»: іерархическая неравноцѣнность души и тѣла остается и предполагается дѣйствующей какъ норма и идея чина, вѣрнаго распорядка бытія. Рѣчь идетъ объ утвержденіи онтологической равночестности тѣла и духа въ человѣкѣ, о томъ, что тѣло не растворяется въ духѣ, не отмѣняется духомъ, но требуетъ такого же вниманія и почитанія, такого же освященія, «оцерковленія», какъ и духъ; требуетъ наряду и равночестно съ культурой духа, религиозной, «праведной» культуры и тѣла.

«Развѣ вы не знаете, что тѣла ваши суть храмы живущаго въ васъ святаго Духа, котораго имѣете отъ Бога, и вы не свои». (1 Корин. 6, 19) спрашиваетъ Св. Апостоль Павелъ и неоднократно повторяетъ свой вопросъ. Мало того, «если кто раззоритъ храмъ Божій, того покараетъ Богъ, ибо храмъ Божій святъ» (1. Кор. 3, 17).

Существенная особенность еврейскаго мышленія и языка, а Св. Апостоль Павелъ — по плоти израильтянинъ, — ихъ удивительная конкретность, такъ сказать, духовная

полнокровность словъ... Библейское мышленіе и рѣчь, впрочемъ какъ рѣчь и мышленіе и всей христіанской патристической древности, не знаетъ словъ схемъ, словъ ярлычковъ. Каждое слово какъ бы указующій жестъ перста, трогающаго, осязающаго тотъ предметъ, о которомъ идетъ рѣчь... Потому, слово Св. Апостола языковъ о томъ, что тѣло «храмъ Божій» — не образъ, не метафора, а нѣкоторый основной фактъ христіанской онтологіи.

Тѣло не только орудіе, которымъ я пользуюсь, не только рабъ, который мнѣ служитъ, но и дѣйствительная, уже данная святыня, которой я, какъ цѣлостный человѣкъ, долженъ служить, оказывать подобающее почитательное поклоненіе.

Въ цѣлостной религиозной школѣ долженъ ставиться вопросъ не о «физическомъ воспитаніи», а именно о религиозной культурѣ тѣла, вопросъ о вѣрномъ и цѣльномъ, прекрасномъ устройствѣ тѣла, объ особой организаціи его жизни, какъ начала хотя іерархически и подчиненнаго духу, но вмѣстѣ съ тѣмъ, — наряду съ нимъ и неотдѣлимо, актуально соучаствующаго въ вѣчной судьбѣ человѣка, соучаствующаго именно въ совѣсѣмъ иномъ, чѣмъ духъ, онтологическомъ качественіи...

Въ краткой замѣткѣ нѣтъ возможности раскрыть всю полноту и все богатство вытекающихъ изъ такой постановки вопроса перспективъ.

Отмѣтимъ только, что въ свѣтѣ такой постановки проблемы цѣлый рядъ сложныхъ и грудныхъ вопросовъ изъ области «физическаго воспитанія», — на примѣръ, вопросъ о **цѣломудріи**, его смыслѣ и значеніи, вопросъ о выявленіи природной красоты тѣла и ея одухотвореніи (ритма, пластика, танцы); задача овладѣнія возможностями тѣла — (спортъ, гимнастика), созданія «благообразнаго быта» и т. д. — получаютъ и новую глубину, и источникъ одушевляющихъ и вмѣстѣ одухотворяющихъ силъ. Здѣсь открывается путь внесенія религиознаго смысла и вмѣстѣ строгой іерархіи въ эти наиболѣе сейчасъ обезбоженныя области человѣческой жизни, возможность подлиннаго приобщенія ихъ къ цѣлостной религиозной культурѣ.

И. Л.